Для школ самый урожайный период — это период экономического кризиса

Все большее количество семей связывают будущее своих детей с качеством образования, которое дети получают. Думать об этом и заниматься этим начинают практически с рождения. В 90-е годы первые этажи жилых домов в спальных районах сначала заняла стоматология, затем появились салоны красоты. Но с ними начинают конкурировать детские клубы. Я встречал клубы для детей от 8 месяцев. Я спросил: «Чему их там учат?». Мамаша ответила: «Математике их учат». — «Сколько вы платите?» — «8 тысяч в месяц, два занятия в неделю». Я понял, что зубы народ себе в Москве вставил, с красотой разобрались, а теперь растут иные потребности, что обнадеживает.

Для самих детей процесс познания стал актуальным. Вот, помните, было школьное выражение «ботаник»: худой, в очках и каждый своим долгом считает его пнуть. Этого слова в школах больше нет. Хорошо учиться стало престижным. Почему? Потому что ценности поменялись. Например, девушки ценят уже не школьного хулигана Колю, у которого «сила есть — ума не надо».

> *Лидерские позиции, которые когда-то занимал хулиган Коля, сегодня занимает человек, который хорошо учится. Он не только учится, он занимается боксом, у него широкие плечи, хороший цвет лица, он не занюханный «ботаник».*

Это произошло, как происходит эволюция в природе. Говоря об альфе-самце, мы уже не станем описывать его как способного убить за счет своих крепких бицепсов. Скорее уж, это будет успешный IT-ник, с хорошим годовым доходом, правильно воспитывающий своих детей и доставляющий радость своей жене. А хулиган Коля, он в каком-то другом пространстве, может быть, будет лидером, но не в современном образовательном. Этот посыл

17-летние транслируют 10-летним, и те его чувствуют и понимают. Я был несколько лет тому назад в городе Моздок и общался там 10-классниками. Они мне задают вопрос: «А мы сильно отличаемся от московских?» Они не отличаются вообще. Две недели назад я был в одном из районов Татарстана – нет отличий. Поэтому я смело могу говорить об общей тенденции: в стране постепенно исчезает такое явление как образовательная провинция.

Изменились ли дети, изменился ли их интеллект по сравнению с 5-классниками какого-нибудь 1981 года? У меня есть аналитика, что делают с планшетниками дети от 1,5 до 3 лет. Эти дети умеют фотографировать, группировать фотографии в файл, сохранять информацию, просматривать видео. Ребята в возрасте 10-11 лет свободно работают в Power-Point, в 12 лет знают, как делать exelевские таблицы. Но это не означает столь быстрого изменения интеллекта. Нормальное, обычное поколение, они любят пирожки и котлеты. Интеллект так быстро не меняется, это процесс очень-очень медленный. Что изменилось? Появилась целая обойма навыков, связанных с компьютерными технологиями, ценностями и приоритетами, которых не было у детей 30 лет назад.

Уход в виртуальные миры и отрыв от жизни – это не вопрос о современных технологиях, это вопрос о зависимости. Я два раза в год встречаюсь с 5-классниками. Это самые интересные люди в школе. Уже перерезана пуповина с первой учительницей, начался период предполового созревания, они тусуются, играют в жизнь. И вот последний раз я у них спросил: «А что вам мешает быть успешными, чтобы все было хорошо?» И они хором: «Интернет, планшетник». И так на меня смотрят, получу ли я удовольствие от этого ответа. Но я же знаю, что это им родители и бабушка сказали. Планшеты и другие гаджеты влияют, конечно, на объем времени, отданный учебе. Но не они являются причиной неуспешности или дезадаптации. Я могу об этом судить не на основании социологических опросов. В школе, где я работаю, почти 3 тысячи детей. Из них десятка полтора-два находятся в

абсолютной зависимости от компьютерных игр и виртуальной реальности. Это не критичный процент. Так что проблема в другом.

Я вот знаю детей, которые влюбляются смертельно, перестают учиться и полностью впадают в зависимость от объекта своей любви. Здесь все зависит от нас, от взрослых, и компьютер не имеет к этому никакого отношения. В любую зависимость можно попасть и оттуда не выйти. Кроме компьютера есть и другие вещи. Помните, была такая тенденция: нюхали клей, он был распространен и легкодоступен. Теперь виртуальные технологии носят массовый характер, они стали легко доступны. Клей перестали нюхать. Вместо этого играют в компьютерные игры. Но природа зависимости та же. Паниковать абсолютно не надо, предлагаю следующую вакцинацию. Если уж в виртуальный мир влез, подумайте, что еще можно с помощью гаджета сделать. Приведу пример. Ребенок-инвалид, тяжелая форма диабета, 8 класс – это 14 лет. Он в интернете наткнулся и открыл для себя виртуальное бюро переводчиков. Это было еще в начале 2000-х годов. Списался с парнем-иностранцем, которого интересовало то же самое, и они объединили свои усилия, стали так зарабатывать деньги. Для мальчика открылся новый мир. А ведь он давно уже на тот момент застрял в интернете.

Давайте говорить конкретно, речь идет в первую очередь о подростках. Это очень сложный период. Что такое происходит с ними, если они, занимая первые позиции в мире в 10-летнем возрасте , в 15-летнем падают вниз? Великая загадка. Вы все слышали про международные исследования PISSA? Первое исследование было в 2000 году. Страны ОЭСР раз в три года замеряют компетенции 15-летних школьников: в сферах читательской, естественнонаучной и математической грамотности. Россия занимала грустную позицию: 45-47-е место. Но с 2006 года стали измерять читательскую компетентность 10-летних ребят, закончивших начальную школу. Россия заняла первое место и с тех пор она в тройке лидеров. Почему наши 10-летние – лидеры в мире, а 15-летние – аутсайдеры? Они не виноваты. В

начальной школе учебная деятельность является ведущей. Она-то и мотивирует ребенка на успех. Но когда ему 11, 12, 13 лет, она перестает быть ведущей по определению. Это очень сложный период. У подростков кто-то проходит легко этот период, а кто-то не проходит. Это общемировая тенденция, она есть везде. И многое зависит от нас, от взрослых. А дидактика в подростковой массовой школе ничем не отличается от дидактики в начальной школе.

Я педагогику не считаю наукой в классическом смысле этого понятия. Нет ничего хуже вербальной педагогики. Тошнит их от наших нотаций, от разговоров. Я вот в своей школе отменил традиционные родительские собрания. Одно бывает в начале сентября, где им говорят про форму, как записаться в кружки и где брать талоны на питание. Назидательные разговоры не убеждают. Я был в одной английской школе, где видел стенд, посвященный борьбе с наркотиками. И там такая информация: «когда ты пробуешь кокаин, ты испытываешь колоссальное галлюциногенное удовольствие…». А дальше он уже не читает, он начинает искать кокаин. С лекторами из наркоконтроля мы страемся без необходимости не общаться. Если ребенок хочет попробовать разные такие вещи, мы, педагоги, обязаны распознать такое желание и дать ему возможность реализовать себя совсем в других пробах.

А у нас часто учитель пришел на урок и начал умный монолог — поток сознания. Но детям в подростковом возрасте такое категорически противопоказано. Они должны как можно больше делать сами. Они должны осознанно подходить к этим 45 минутам. У нас 2,4 миллиона учителей в России, но мало кто из них начинает урок так: «Здравствуйте, дети, у нас с вами есть ресурс 45 минут, и мы с вами к исходу этого времени должны понять вот это и научиться делать вот это».

А в образовании, как и в жизни, велика роль того, в каких обстоятельствах они протекают.

Приведу небольшой пример. Может быть, вы слышали про дидактическую систему Эльконина-Давыдова? Она ориентирована на то, чтобы дети не сидели в затылок друг другу, а чтобы все видели друг друга, чтобы люди начали разговаривать. Так, чтобы класс не был во время этих 45 минут театром одного актера – учителя. И главное, чтобы на время урока создалась проблемная ситуация, когда необходимо принимать решения. Да и домашнее задание чтобы требовало не только запоминания и нескольких последующих воспроизведений, а логических усилий.

У них хватит таланта и мозгов, чтобы самим открыть закон Ома для замкнутой цепи. Идеальный учитель организует процесс таким образом, что дети сами все делают. Математике можно научиться, решая задачи. Посмотрите, что у нас: теоремы, только потом задачи. По физике сначала закон, потому задачи. А если попробовать наоборот? Дайте, наоборот, сначала задачу, пусть он сам повкалывает, найдет решение. Помните Робинзона Крузо, который сам стал и плотником, и пахарем, и кораблестроителем. Жизнь перед ним поставила задачи – и он их решал. Да, это намного сложнее, чем рассказать и попросить воспроизвести рассказанное. Но второе – это и скучно, и не актуально.

У меня есть знакомый директор школы в Канаде. Я его спросил как-то, что для него идеальный урок. Он ответил, где есть три фигуранта: учитель, ученик и собака. Я спрашиваю, зачем собака? Если учитель слово скажет, она должна его укусить.

Я позитивно оцениваю те процессы, которые происходят в целом в системе образования. Знаете, что в Москве произошло за 5 лет? Москва в этом году договорилась с международным штабом PISSA, что ее результаты замерят отдельно. И они измерили. По результатам по математике 2016 года на первом месте – Шанхай, на втором месте – Москва. По сравнению с местом России в пятом десятке, разница действительно большая. В Москве произошло единение воли мэра и тех, кто занимается изменениями в образовании. Один пример. До 2010 года гимназии получали на одного старшеклассника 129 тысяч рублей, центры образования –

102 тысячи рублей, а простые школы – 63 тысячи рублей. Есть разница? С 2011 года, вне зависимости от того, какой у школы статус, все получают одинаковые субсидии по нормативу. Для чего школы стали финансироваться одинаково? Чтобы качественное образование было доступно по месту жительства. Так называемая элитность утратила признак финансовый. Если к тебе пошли дети, у тебя увеличился бюджет. Если в 2010 году только 11% московских школьников стали победителями всероссийских и международных олимпиад, то в этом году уже 39%. Это колоссальная разница. Теперь это дети из 214-ти школ.

> *Элитарность в том, что в школе пашут все – и директор, и учителя, и дети.*

Если элитарность заключается в том, чтобы пахать, то это элитная школа. Например, абсолютно элитарная 2-я математическая школа. Директор школы – необыкновенный человек, Николай Овчинников. И там пашут все.

Для школ самый урожайный период – это период экономического кризиса. Когда везде много платили, выпускники педвузов не шли в школы работать, а шли в переводчики, сисадмины и прочее. А когда шарахнул кризис – все пришли в школу обратно. То же самое было в 1998, 2008, 2014 годах. Я их называю репатриантами. Сегодня профессия учителя является очень востребованной. Если взять Москву, то средняя заработная плата в школе зашкаливает за 70 тысяч рублей. Может, в сельской школе небольшая зарплата, не как в Москве, но абсолютная бюджетная гарантия, что эти деньги будут. Мы с вами помним практику двойного негативного отбора. Когда в педагогические вузы шли не самые сильные выпускники, а из выпускников педагогических вузов в школы, как правило, шли аутсайдеры. В этом году в московском городском педуниверситете конкурс составил 12,5 человека на место. И бывший ленинский, там тоже конкурс зашкаливал за 10 человек на место. Это тенденция. Это очень конкретные цифры. Теперь меня, как директора школы, просят найти вакансию для учительницы. Потому что ей сложно

устроиться на работу, профессия стала популярной.

«Хотели ли бы вы, чтобы ваши дети тоже стали учителями?» С таким вопросом в начале 2000-х годов проводилось исследование о реакции учителей на образовательную реформу в России. Положительно тогда ответило 6%. Очень похожий вопрос был задан в 2014 году. Положительно ответили 19,5%. Это уже тенденция, поскольку такая гигантская гуманитарная система, она не способна к быстрым изменениям. Я открыл вакансию учителя физики, ко мне обратилось человек 19. Я смог одного взять. Но из тех, кто ко мне приходил, я бы половину к себе взял. Но я же не могу уволить учителя, которому 60 лет. Нет, возраст – это не главное, есть 60-летние учителя – отличные профессионалы. Но еще многочисленна та когорта, которая настаивает на уважении и подчинении себе, только потому, что в трудовой написано: он учитель. А ведь учитель – эта та фигура, без которой ничего не будет ничего двигаться. Я подожду, пока произойдет естественная смена поколения учителей.

Школа очень заинтересована в увеличении своего бюджета. Теперь он поставлен в зависимость от качества ее работы. От чего зависит размер бюджета школы? От количества учеников, которые в эту школу ходят. Деньги приходят за учениками. Если в школе плохо пахнет туалетами, учителя плохо говорят по-русски, детей бьют, а директор долго не выходит из эмоционального кризиса, то детей родители в такую школу не отдадут. То есть у школы не будет бюджета, школа закроется. Приведу пример, как государство может помочь школе бороться за учеников. В России действует нормативно-подушевое финансирование. В то же время российский закон об образовании позволяет перейти на семейную форму обучения. До 2013 года российские семьи, выбравшие семейную форму образования, получали субсидию на каждого ребенка. Например, на первоклассника в Москве 63 тысяч давали. Раз в год семья получала эти деньги. Нанимала репетиторов либо сама учила. А тратить деньги имела право на что угодно. Но по-новому законодательству семейная форма сохраняется, только вот субсидия остается у школы. А она для

этого ребенка организует очно-заочную форму обучения, дает ему консультации. Семья теперь деньги не получает. И если до 2013 года было в России было до 200 тысяч учеников, ушедших из школы, то сейчас их осталось тысяч 50-70.

Бюджету школы очень помогло, что теперь мы сами решаем, на что нам расходовать сэкономленные деньги. Если школа сэкономила на электроэнергии, то раньше эти деньги уходили в муниципальный бюджет. И дальше уже глава муниципалитета мог на эти деньги, допустим, отремонтировать райотдел милиции. Это было так называемое сметное финансирование. Школа получала деньги по смете: столько-то рублей на краску, столько-то рублей на тепло, столько-то рублей на зарплату. Если школа сэкономила 80 тысяч рублей на краске, то лучше бы эти деньги отдать учителям, правда ведь? Но нельзя было. Начиная с 2010 года — можно. В школе, где я работаю, самые большие коммунальные затраты — это тепло, — 9 миллионов рублей в год. Но у нас культура экономия тепла, у всех абсолютно. Экономим. И 2,2 миллиона рублей мы отдаем в фонд оплаты труда учителям. То есть это уже не сметное финансирование, а субсидиарное. И мы сами принимаем решение, на что эти деньги расходовать. Если раньше у нас отнимали ставку психолога, например, то сейчас говорят: «ты субсидию получил, сам и принимай решение, кто у тебя будет работать». Штатное расписание больше никто не навязывает, никто его не утверждает сверху.

И если школа хочет быть привлекательной для учеников, она очень тщательно подойдет к своему штатному расписанию и подбору учителей. Как и ко всем остальным вопросам, которые раньше могли показаться мелочью.